ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. Я. СТОРОЖЕНКА *).

8/20 Марта 1845 г.

Блестящіе подвиги фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго, нынѣ князя Варшавскаго, противъ огромныхъ ополченій, съ горстью, можно сказать, храбрыхъ, въ Персіи и въ Малой Азіи противу Турокъ, славный миръ съ Персіянами, возбудили общее любопытство объ немъ. Я видѣлъ его въ 1809 году въ Яссахъ капитаномъ и флигель-адъютантомъ; потомъ видѣлъ, какъ храбраго молодаго генарала, въ Бородинской битвѣ; еще разъ въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 1813 года, гдѣ былъ личнымъ свидѣтелемъ, какъ онъ подъ градомъ пуль отвѣчалъ артиллерійскому офицеру, спросившему его: „прикажете ли здѣсь стоять до послѣдняго человѣка, или принять нѣсколько въ сторону?“—„Увидимъ, отвѣчалъ Паскевичъ; что̀ вы, сударь, такъ безпокоитесь?“ (Этотъ случай я описалъ въ 27-й книжечкѣ о кампаніяхъ 1812 и 1813 годовъ, изъ коихъ нѣкоторыя только остались у меня, какъ памятники событій, описанные молодымъ офицеромъ, записывавшимъ каждый день, что̀ ему случилось видѣть и слышать; прочія пропали съ шкатулкою, украденною у меня 1821 года въ Елисаветградѣ.) И наконецъ видѣлъ его въ послѣдній разъ въ Гамбургѣ, когда онъ переведенъ былъ оттуда въ главную армію. Въ Яссахъ танцовалъ съ нимъ въ одномъ кадрилѣ. Припоминаю еще, что имѣлъ случай разговаривать съ нимъ, обѣдая у него въ Закрочимѣ, гдѣ онъ квартировалъ, осаждая кр. Модлинъ. Онъ мнѣ показался человѣкомъ добрымъ, благороднымъ и, какъ землякъ, всегда съ тѣхъ поръ воспоминался мною съ удовольствіемъ и похвалами. Покойный отецъ его былъ моимъ пріятелемъ, не взирая на великую разность въ лѣтахъ (ибо и сынъ его старѣе меня лѣтъ 10, по словамъ самаго старика Паскевича).

Будучи не только нечуждымъ общаго любопытства о фельдмаршалѣ, но желавшимъ слышать похвалы ему, я искалъ людей, отъ которыхъ могъ бы получить полнѣйшія свѣдѣнія объ немъ.

Другъ мой, А. Д. Засядько, бывшій начальникомъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, говорилъ мнѣ съ восхищеніемъ въ 1822 году въ С. П. бургѣ, когда я пріѣзжалъ туда съ отчетами къ графу Аракчееву, что въ путешествіе съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ былъ назначенъ землякъ нашъ, генералъ Паскевичъ, по его мнѣнію, человѣкъ скромный, добрый и сметливый.

Принявшій отъ меня штабъ *) въ 1827 году генералъ-лейтенантъ Екельнъ, бывшій начальникомъ штаба 1-го корпуса, коимъ командовалъ нѣкогда свѣтлѣйшій, показывалъ мнѣ нѣкоторыя записки его, не въ похвалу,

*) Писано въ бытность его сенаторомъ Варшавскихъ департаментовъ.

*) Военныхъ поселеній въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ.

а какъ образчики неумѣнія писать. Жена Екельна говорила, что онъ несносно самолюбивъ. Генералъ баронъ С. однажды разсказывалъ мнѣ, что разъ онъ представлялъ (по должности начальника штаба) фельдмаршалу о храбрости войскъ и объ отличіи офицеровъ Кавказскаго корпуса; что фельдмаршалу это не понравилось, и что сей послѣдній сказалъ ему при этомъ: „Что вы хвастаете съ вашими войсками? Мнѣ, сударь, дай Жидовъ въ команду, и я побью съ ними Турокъ!“

Въ концѣ 1827 г. генералъ-адъютантъ графъ Константинъ Бенкендорфъ, возвратившійся изъ Кавказскаго корпуса, разсказывалъ намъ однажды у М. Я. Фонъ-Фока, что фельдмаршалъ имѣетъ весьма много военныхъ достоинствъ, а особенно въ моменты битвъ, но что онъ характера недовѣрчиваго, подозрительнаго; а потому скорѣе вѣритъ глупымъ лжецамъ и мошенникамъ, нежели людямъ умнымъ, и отъ того дѣла по управленію его могутъ идти только удачно.

Все это нисколько не удовлетворяло моего любопытства о свѣтлѣйшемъ и не давало понятія объ немъ; а какъ я желалъ видѣть въ немъ человѣка отличнаго, то разсказъ барона С. показался мнѣ даже похвалою фельдмаршалу.

Въ послѣдствіи я разговаривалъ объ этомъ съ свѣтлѣйшимъ, который сказалъ мнѣ, что С . . . ъ говорилъ правду; но что онъ, зная человѣка, не могъ бы иначе уничтожать тонъ сужденій его, весьма часто неумѣстныхъ и всегда ненужныхъ для фельдмаршала, не выразившись такимъ образомъ, какъ С . . нъ пересказалъ мнѣ—конечно не въ похвалу ему.

Въ 1830 году военныя дѣйствія графа Дибича противу Польскихъ мятежниковъ, наконецъ, такъ были огорчительны для каждаго Русскаго, что и въ Петербургѣ начали говорить уже весьма громко объ этомъ. Всѣ желали и ожидали необходимой перемѣны главнокомандующаго, изъ донесеній коего видны были неудачи, несчастія въ предпріятіяхъ его, отступленія, потери въ войскахъ и бунтъ въ западныхъ губерніяхъ, производимый шляхтою, оставленною въ тылу арміи безъ достаточнаго наблюденія за ея дѣйствіями, отъ чего подвозы провіанта и другихъ потребностей для войскъ содѣлались весьма затруднительными.

Въ это время призванъ былъ въ Петербургъ фельдмаршалъ Паскевичъ. Тотчасъ разнесся слухъ, что онъ назначается на мѣсто Дибича; едва ли не каждый радовался тому, а въ тѣхъ кругахъ, гдѣ я бывалъ, говорили о семъ съ восторгомъ. Графъ Орловъ посланъ былъ въ армію узнать ближе о причинѣ неудачъ нашихъ; ожидали съ нетерпѣніемъ возвращенія его и результата такому порученію.

Однажды я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, читая газеты Польскія, кои доставалъ я иногда отъ пріятелей. Вдругъ входитъ ко мнѣ, запыхавшись, хромой Воейковъ, редакторъ газеты „Русскаго Инвалида“ и издатель журнала „Славянина“, въ которомъ я участвовалъ, и восклицаетъ: „Великъ Россійскій Богъ! Дибичъ умеръ, Паскевичъ ѣдетъ на его мѣсто“. Вѣсть о семъ послѣднемъ меня обрадовала; и дѣйствительно, послѣ начали получаться извѣстія изъ арміи, радовавшія всю столицу.

Недолго спустя, торжествовали взятіе Варшавы; реляція объ этомъ пере-

ходила изъ рукъ въ руки, и я, восторженный побѣдою и прекращеніемъ кровопролитія въ междоусобіи, написалъ стихи къ вождю, взявшему штурмомъ гнѣздо мятежа, кои напечатаны въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1831 года. И тогда уже давно я не писалъ стиховъ; эти излились у меня отъ избытка чувствъ, среди многочисленнаго общества; но редакція такъ ихъ измѣнила, что мы почти не узнали въ печати стиховъ моихъ, хотя подъ ними стояла моя подпись. Съ тѣхъ поръ я зарекся печатать не только поэтическія выходки, но и всякія мои мысли, оставляя въ спискахъ многое, что́, можетъ быть, будетъ нѣкогда весьма любопытнымъ.

11/23 Марта 1845 г.

Въ 1813 году, въ Варшавѣ, одна Француженка-ворожея, писавшая ороскопы, написала и для меня подобный, въ которомъ между прочимъ было сказано: „что здѣсь я буду нѣкогда значительнымъ человѣкомъ“. Прочитавши ороскопъ мой, я сказалъ Француженкѣ со смѣхомъ, что предсказаніе ея не совсѣмъ удачно: ибо родина моя за Днѣпромъ, служу въ Россійской арміи, и нѣтъ никакого правдоподобія значить что нибудь въ герцогствѣ Варшавскомъ. На это она отвѣчала утвердительно, „что я буду дѣйствующимъ лицемъ, именно въ Варшавѣ.“ Хотя по нынѣ и нисколько еще не сбывается предсказаніе Француженки; но непредвидѣнное мною назначеніе сюда, какъ ниже опишу, въ самомъ дѣлѣ странно.

Дыша свободнѣе послѣ ужасной холеры въ Петербургѣ и не занимаясь болѣе розысканіями бунта въ военныхъ поселеніяхъ, по званію члена-аудиторіата; окончивши при томъ и порученное мнѣ составленіе (изъ записокъ Бабинскаго и другихъ) правилъ для образованія кавалериста, кои напечатаны въ послѣдствіи въ двухъ томахъ, въ пользу Бабинскаго, — я предался совершенно розысканіямъ историческимъ о полуденной Россіи, писалъ между прочимъ разныя журнальныя статьи, о Мазепѣ, о Хмѣльницкомъ, печатаемыя въ „Славянинѣ“; сдѣлалъ критическій разборъ первой части повѣстей Пасичника Рудого Панька, напечатанный Гречемъ въ особенной книжечкѣ, подъ заглавіемъ: „Мысли Малороссіянина“, и много другихъ отрывковъ въ прозѣ.

Цензура всегда мнѣ какъ-то не благопріятствовала; но извѣстные литераторы, читавшіе пишущуюся мною Исторію Полуденной Россіи, оказывали мнѣ пріязнь и вниманіе къ трудамъ моимъ.

Время въ литературныхъ упражненіяхъ проходило быстро и пріятно; субботы Воейкова, въ которыя собиралось къ нему много пишущей братіи, дружескія бесѣды у стариннаго пріятеля моего Булгарина и сношенія со многими людьми мыслящими почти ставили уже меня на дорогѣ умственныхъ занятій, которая стлалась къ уединенію, къ пріюту и къ жизни частнаго гражданина.

Я думалъ писать. Исторія Полуденной Россіи наполняла воображеніе; широкій Днѣпръ манилъ на роскошные берега свои. Любезная сердцу родина, ея добрые жители, въ числѣ коихъ я имѣю такъ много пріятелей искреннихъ, вѣщій духъ старины нашей, описанный Несторомъ и самое Украинское небо, казалось, звали на покой труженика, располагающаго окружиться давнопрошед-

шимъ и забыть обо всемъ минувшемъ въ треволненной дотолѣ жизни его.

Сообразно съ этими мыслями я велъ и знакомство въ самомъ Петербургѣ; иногда однакоже обѣдывали у меня Булгаринъ, Гречъ и еще нѣкоторые изъ писателей. Разъ, за такимъ обѣдомъ, когда мы разговаривали о безумномъ происшествіи въ Польшѣ, входитъ ко мнѣ офицеръ гвардейскихъ жандармовъ. Появленіе его, признаюсь, немного меня встревожило. Я не имѣлъ никого знакомаго изъ жандармовъ; но, будучи увѣреннымъ въ моемъ образѣ мыслей, чисто-монархическомъ и что я ни съ какою полиціею не могу имѣть дѣла, я тотчасъ успокоился и полагалъ, что онъ зашелъ ко мнѣ ошибкою; но офицеръ, спросивши, кто изъ насъ Стороженко, объявилъ мнѣ, что графъ Бенкендорфъ поручилъ ему отдать мнѣ записку и сказать, чтобы послѣ завтра, по утру въ 7 часовъ, я ожидалъ въ зимнемъ дворцѣ прибытія туда его сіятельства и что графъ представитъ меня Государю Императору. Въ запискѣ было сказано тоже.

Пріѣхавши во дворецъ въ назначенное время, я тотчасъ позванъ былъ камердинеромъ Государя въ кабинетъ его величества. Еще было темно. Довольно узкая, высокая лѣстница, освѣщаемая не совсѣмъ ясно, привела меня къ дверямъ кабинета, въ который я вступилъ съ свѣтлымъ челомъ и съ пріятною мыслію говорить лично съ Монархомъ. — При входѣ моемъ, Государь изволилъ встать съ дивана и, подошедши ко мнѣ, объявилъ въ весьма лестныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ, что я назначаюсь генералъ-полицеймейстеромъ въ дѣйствующую армію, коснулся положенія Польши, говорилъ по этому предмету съ истинно-царскимъ великодушіемъ, въ заключеніе поцаловалъ меня въ голову, и я откланялся.

Сѣвши въ карету, я перебиралъ всевозможные случаи, которые бы могли привести меня къ этому назначенію, и одно только мнѣ казалось вѣроятнѣйшимъ, что графъ Виттъ рекомендовалъ меня князю Варшавскому, а можетъ быть и самому Государю, и что графъ Бенкендорфъ, приглашавшій меня за два года передъ тѣмъ въ дежурные штабъ-офицеры къ себѣ, также замолвилъ обо мнѣ слово. Какъ бы то ни было, но тутъ я видѣлъ два никогда неожиданныя мною событія въ жизни моей: во первыхъ, мнѣ никогда и въ голову не входило быть полицейскимъ; во вторыхъ, вовсе никогда не воображалъ я служить въ Варшавѣ и даже давно забылъ затерявшійся гдѣ-то у меня ороскопъ, о которомъ въ ту минуту вспомнилъ.

Возвратившись домой, встрѣчаю на лѣстницѣ писаря Инспекторскаго Департамента, сына нашей прачки, который разсказываетъ, что недѣли двѣ идетъ обо мнѣ въ департаментѣ переписка, и что во вчерашнемъ приказѣ я назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею.

Поелику князь Варшавскій былъ тогда въ Петербургѣ, то, прочитавши приказъ, я тотчасъ поѣхалъ къ нему явиться; и черезъ нѣсколько дней опять явился ему, уже какъ генералъ-полицеймейстеръ въ жандармскомъ мундирѣ.

Мундиръ этотъ надѣлъ я также случайно. Когда надобно было благодарить Государя Императора за

мое назначеніе, я спросилъ докладною запискою у генералъ-адъютанта гр. Бенкендорфа, въ какомъ мундирѣ я долженъ представиться; ибо до того носилъ я общій кавалерійскій, потомъ, нѣсколько дней, присвоенный состоящимъ по особымъ порученіямъ. На запискѣ было отмѣчено: „въ жандармскомъ".

Немало хлопотъ мнѣ стоило облечь себя въ форму, которой я не зналъ нисколько; а еще больше навлекъ ихъ на меня голубой мундиръ, когда я представлялся свѣтлѣйшему, какъ выше описано *).

$^{13}/_{25}$ Марта 1845 г.

Герой нашей арміи, любимецъ солдатъ и офицеровъ, беззаботный весельчакъ, состарѣвшійся на бивакахъ, Милорадовичъ, назначеніемъ своимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ въ С. Петербургѣ ослабилъ армейскій энтузіазмъ къ себѣ. Воинская слава должна оставаться всегда свѣтлою звѣздою-путеводительницею пріобрѣтшихъ первую на поляхъ битвъ, и они должны или вести войска къ побѣдамъ, или приготовлять ихъ къ тому, сохраняя любовь къ себѣ сподвижниковъ и поселяя надежды къ отличіямъ въ образующихся подъ ихъ вліяніемъ офицерахъ; но никогда не раздвоять о себѣ публичнаго мнѣнія занятіями невоенными. Минуты боя, объемлемость движеній побѣдоносныхъ колоннъ,—есть высокая поэзія; администрація же, для самаго умнаго человѣка, съ даромъ воинственнымъ — есть скучная, утомительная проза жизни, напрасное усиліе къ недоступному для него порядку въ теченіи дѣлъ, требующихъ точности, терпѣнія, трудовъ методическихъ и обдуманности хода общаго и частныхъ отраслей въ правленіи.

Мнѣ кажется, что и фельдмаршалу князю Варшавскому, погромившему Польскій мятежъ, лучше бы было, управляя арміей, ждать эпохи новыхъ для себя подвиговъ на поляхъ славы: его храбрость и рѣшительность, описанныя въ кампаніяхъ Персидской, которая еще не издана, Турецкой и Польской, — равняютъ его съ знаменитѣйшими вождями, а воинскія свѣдѣнія доказываютъ, что онъ много занимался ими.

Въ бесѣдахъ со мною онъ разсказалъ мнѣ многое, что́ останется навсегда въ моей памяти; но нѣкоторые случаи я хочу здѣсь передать и на бумагу.

„Когда́ прибылъ я въ Кавказскій корпусъ (говорилъ мнѣ однажды свѣтлѣйшій) командовавшій онымъ А. П. Ермоловъ принялъ меня весьма двусмысленно. Я желалъ отличій, просился тотчасъ употребить меня въ дѣло, надѣясь въ первомъ сраженіи показать, что самоотверженіемъ только и храбростью оправдаю выборъ монаршій и не буду принужденъ искать чьего бы то ни было къ себѣ расположенія. Ввѣренное мнѣ войско шло противу Персіянъ, вторгшихся въ предѣлы наши въ Грузіи. Нѣкоторые ханы и изъ подвластныхъ намъ оказались невѣрными. Персіяне имѣли на своей сторонѣ большія противъ насъ выгоды въ духѣ жителей, были въ нѣсколько кратъ сильнѣе насъ, и притомъ я нуждался въ самомъ про-

*) Въ другомъ мѣстѣ, подъ числомъ $^{10}/_{22}$ Генваря 1845 г. записано: «Предъ отъѣздомъ являлся прибывшему въ Петербургъ князю Варшавскому, который принялъ меня крайне немилостиво; говорилъ съ негодованіемъ о жандармскихъ мундирахъ и сказалъ наконецъ, когда я откланивался ему: прошу у меня заднихъ мыслей не имѣть!»

довольствіи, чрезъ недоброжелательство ко мнѣ главнаго начальника, которое отзывалось не только въ управленіи его, но и въ частныхъ начальствахъ, преданныхъ ему. Я былъ совершенно одинъ, не могъ никому вѣрить: все было противу меня. Въ такомъ положеніи встрѣтился я съ Абасъ-Мирзою подъ Елисаветополемъ и разбилъ его на голову".

Елисаветпольское сраженіе описано; храбрость и распоряженіе въ дѣлѣ фельдмаршала признаны самыми недоброжелательствовавшими ему; слѣдовательно, разсказывать объ этомъ сраженіи слышанное даже и отъ самаго фельдмаршала было бы съ моей стороны повтореніемъ реляціи; но я долженъ замѣтить для себя, что если бы свѣтлѣйшій выражался въ подобныхъ случаяхъ съ принятою обыкновенно умѣренностію, что счастіе благопріятствовало ему разбить Абасъ-Мирзу, это было бы прекрасно; а какъ онъ, напротивъ того, приписываетъ все геніальнымъ своимъ соображеніемъ, то блескъ подвига теряетъ свою яркость, подобно тому какъ подвергаются сомнѣнію видѣнныя имъ во всемъ противъ него интриги. Вспомнивши же разсказанное объ немъ гр. Константиномъ Бенкендорфомъ, человѣкомъ извѣстнымъ правотою характера, подумаешь невольно, что большая часть интригъ мнимыхъ происходили отъ окружающихъ фельдмаршала людей его, изъ коихъ остались и теперь при немъ представители невообразимой невѣжественности, коихъ онъ хвалитъ умъ, способности и преданность къ себѣ.

Чтобъ судить о дѣлѣ, надобно слышать двѣ противныя въ немъ стороны. Я слушалъ и свѣтлѣйшаго, и А. П. Ермолова о столкновеніи ихъ въ Грузіи, и мнѣ кажется, что послѣдній имѣетъ болѣе причинъ къ нареканіямъ; но въ паденіи его однакоже виновенъ не одинъ свѣтлѣйшій; хотя онъ его наиболѣе обвиняетъ въ томъ.

Самъ фельдмаршалъ сказывалъ мнѣ, что, не взирая на побѣды свои надъ Персіянами, онъ былъ разъ доведенъ начальникомъ главнаго штаба гр. Дибичемъ до того, что рѣшительно просился объ отозваніи его въ Россію.

Когда Персіяне принуждены были имъ просить о мирѣ, говорилъ мнѣ фельдмаршалъ, и главнѣйшіе пункты, на какихъ желали заключить оный, получены были свѣтлѣйшимъ изъ С. Петербурга, онъ видѣлъ, что Абасъ-Мирза и самъ шахъ, по внушенію Англичанъ, хотятъ длить дѣло. Фельдмаршалъ требовалъ отъ Персіянъ вознагражденія за всѣ издержки войны; въ рескриптѣ къ нему изъ Петербурга требуемая имъ сумма отъ шаха ограничивалась въ половину. Рескриптъ этотъ онъ хранилъ въ совершенной тайнѣ и не переставалъ между тѣмъ настаивать о скорѣйшей высылкѣ къ нему изъ Тегерана денегъ. Англійскій посланникъ въ Персіи, со свитою, жилъ у него въ главной квартирѣ; интриги его въ самомъ Тавризѣ были не безопасны, ибо Англичане возбуждали духъ жителей всѣми образами.

Въ такомъ положеніи дѣлъ фельдмаршалъ поступилъ рѣшительно. Онъ объявилъ Персіянамъ и Англичанамъ, что долѣе ожидать денегъ не будетъ, а пойдетъ тотчасъ въ Тегеранъ, и Каджары не удержатся на престолѣ. Англичанъ просилъ рѣшительно выѣхать изъ его главной квартиры. При этомъ достойно замѣчанія то, что Абасъ-Мирза объявилъ ему, что если

фельдмаршалъ устремится на Тегеранъ, то и онъ больной поѣдетъ туда съ нимъ.

Такая рѣшимость фельдмаршала до того однакоже перепугала и шаха и Англійскаго посланника, что деньги тотчасъ были высланы, заключенъ миръ, и взято съ Персіянъ вдвое болѣе, нежели желалъ кабинетъ нашъ.

Въ Турецкую войну, дѣйствуя среди неприступныхъ горъ, фельдмаршала всего болѣе затрудняло продовольствіе войскъ. Если бы онъ надѣялся только на свои магазины, то и воевать было бы невозможно; но онъ платилъ жителямъ за привозимые ими припасы вдвое, билъ между тѣмъ Турокъ, проникнулъ до Эрзерума, и если бы не миръ, говоритъ онъ, то вскорѣ завладѣлъ бы всею Малою Азіей.

Прибывши въ Іюлѣ 1831 года въ армію, дѣйствовавшую весьма нерѣшительно противу Поляковъ, фельдмаршалъ встрѣтилъ, по словамъ его, всѣхъ главныхъ начальниковъ въ оной противу себя. Осмотрѣвшись нѣсколько и видя, что начальникъ главнаго штаба, графъ Толь, готовъ парализировать его направленія и дѣйствія, призываетъ Толя къ себѣ и диктуетъ въ его присутствіи повелѣніе ему выѣхать тотчасъ изъ арміи. Этотъ рѣшительный поступокъ укротилъ заносчиваго, и распоряженія фельдмаршала не встрѣчали уже оппозицій.

Переправясь на лѣвый берегъ Вислы съ главнѣйшими силами арміи, фельдмаршалъ прежде всего старался обезпечить продовольствіе ея. Сверхъ того, что закупаемый хлѣбъ въ Пруссіи подвозился на судахъ Вислою, оглашено было, что всякій изъ жителей, привезшій въ расположеніе войскъ нашихъ съѣстные припасы, тотчасъ получитъ за нихъ требуемую имъ цѣну наличными деньгами. Мѣра эта подѣйствовала такъ, что везшіе продукты и для Польскихъ войскъ, стоявшихъ подъ Болимовымъ, убѣдившись, что Русскіе платятъ за все весьма щедро, сворачивали къ намъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что планъ переправы черезъ Вислу (къ чему дѣлались приготовленія до прибытія въ армію фельдмаршала) и атака Варшавы со стороны западной предположены были еще гр. Дибичемъ и гр. Толемъ, и что послѣ Остроленскаго пораженія Поляки не были уже тѣми, какими начали войну: духъ войскъ ихъ упалъ, старые солдаты были перебиты, главные вожди смѣнялись по крику изступленниковъ мятежа, и контръ-революція, или просто бойня въ Варшавѣ—располагали обывателей къ покорности.

Какъ бы то ни было, но прибытіе фельдмаршала воздвигло духъ войскъ нашихъ; они перестали нуждаться въ продовольствіи, шли съ увѣренностію побѣдить, и штурмъ Варшавскій доказалъ и храбрость ихъ и рѣшительность свѣтлѣйшаго, который однакоже говоритъ иногда, что Поляки дрались, защищая Варшаву, мерзко.

У меня есть собственная его записка и объ интригахъ противъ него, когда онъ прибылъ въ армію и о дѣйствіяхъ послѣдней, коими Польское войско, простиравшееся до ста тысячъ, въ 72-хъ тысячахъ положило оружіе въ границахъ Австріи и Пруссіи.

Отъ многихъ слышалъ я, что большую часть успѣховъ и побѣдъ фельдмаршала можно приписать необыкновенному его счастію во всемъ. Такъ говорили нѣкогда и о Суворовѣ; но когда онъ услышалъ объ этомъ, ска-

залъ съ своею особенною ироніей: „все счастіе, да счастіе;—надобно оставить что нибудь и разуму.“

Военныя дѣла князя Варшавскаго всегда будутъ имѣть прекрасную и любопытную страницу въ Исторіи и еслибъ онъ не ставилъ себя въ минуты энтузіазма выше всѣхъ бывшихъ полководцевъ въ Россіи, то каждый, отдавая ему полную справедливость, не имѣлъ бы повода разбирать сравненіе между имъ, Румянцовымъ, Суворовымъ и Кутузовымъ; но слышащій изъ собственныхъ устъ его часто неумѣренное самохвальство, проистекающее отъ излишняго ли убѣжденія въ своихъ достоинствахъ, или отъ желанія убѣдить въ нихъ другаго, по свойству общему людямъ, упреждая судъ Исторіи, размышляетъ о слышанномъ, — и событія представляются въ слѣдующихъ образахъ.

Румянцовъ, предводительствуя арміею въ 40 т. противу огромныхъ Турецкихъ силъ, билъ Турокъ вездѣ въ продолженіи 4-хъ лѣтъ; побѣды его съ 16 т. войскъ при Ларгѣ и Кагулѣ надъ стотысячными полчищами Турецкими, преслѣдованіе великаго визиря, бѣжавшаго съ недобитками за Дунай, и достопамятный Кучукъ-Кайнарджицкій миръ, въ смутную годину Пугачевщины, знаменуютъ въ немъ вождя славнаго и разумнаго, а послѣднее свойство подтверждается притомъ управленіемъ его Малороссіею и въ послѣдствіи самою частною жизнію человѣка. Онъ былъ мужъ войны; ему Россія обязана многимъ, и память его чтится потомствомъ благоговѣйно.

Суворовъ, дѣлая чудеса противу Барскихъ кондефератовъ, пораженіями ихъ на разныхъ, весьма отдаленныхъ между собою, пунктахъ, — поселилъ, при любви къ себѣ, увѣренность въ Русскихъ солдатахъ, что съ нимъ они непобѣдимы. Баталія при Римникѣ и взятіе штурмомъ неприступныхъ стѣнъ Измаила утвердили это мнѣніе. Имя Батюшки-Суворова окрыляло духъ богатырей его. Штурмъ Праги имѣлъ послѣдствіемъ покореніе Польши и присоединеніе къ Россіи провинцій, бывшихъ нѣкогда Русскими. — Освобожденіе (хотя впрочемъ временное) Италіи отъ Французовъ, переходъ черезъ Альпы и вообще Итальянская его кампанія,—ставятъ его на высшую степень героевъ. Имя его останется всегда любезнымъ не только въ войскѣ, но и во всей Россіи. Онъ былъ дѣйствительно великій воинъ, великій человѣкъ своего времени.

Кутузовъ былъ назначенъ судьбою для дѣяній высшихъ и Румянцова и Суворова. Его битвы противу Наполеона на 400 верстной ретирадѣ отъ границъ Баваріи до Аустерлица; его пораженіе переманеннаго имъ на нашу сторону Дуная великаго визиря и чудесный миръ съ Портою, когда Наполеонъ, съ полумилліонною арміей, вторгался уже въ предѣлы Россіи,— были бы достаточными уже заслугами Отечеству и неотъемлемымъ правомъ имѣть почетное мѣсто между необыкновенными умами въ Исторіи; но общенародное призваніе его защитить Россію, въ сердце коей устремился непобѣдимый Наполеонъ, пріемлемая предъ народомъ Русскимъ отвѣтственность доблестнаго старца на главу свою за отданіе врагамъ Москвы; высокія стратегическія соображенія его принудить Наполеона брести снѣгами во свояси, съ голодными полчищами своими, по пути, пролегающемъ разграбленными ими про-

винціями; защищеніе тѣмъ южной Россіи; уничтоженіе силъ, составленныхъ изъ 20-ти народовъ и славныя вообще дѣла 1812 года,—все это начертано на вѣчныхъ скрижаляхъ вмѣстѣ съ именемъ Кутузова. Онъ по истинѣ заслуживаетъ имя спасителя Отечества. — Современники, видѣвшіе стройную рать Наполеона и потомъ блудящіе остатки ея по снѣгамъ, въ коихъ погрузились триста-ты и колесницы мнящаго быть непобѣдимымъ, и теперь еще какъ бы не вѣрятъ случившемуся въ глазахъ ихъ изумительному, великому событію. Недосязаема высокая судьба Кутузова. Какъ велики подвиги Русскихъ, торжествовавшихъ въ Парижѣ миръ Европы, которымъ понынѣ она пресыщается, давно забывъ и монарха, и народъ, изведшихъ ее изъ подъ ига Египетскаго!

Князь Варшавскій, графъ Паскевичъ положилъ также много заслугъ, пожиная лавры въ 1812, 1827, 1828 и наконецъ 1831 годахъ; но онъ былъ главнымъ вождемъ только во вторую половину Польской войны и подъ Варшавою. Начальствовалъ отдѣльнымъ корпусомъ противъ Персіянъ и дѣйствовалъ съ нимъ отдѣльно же противу Турокъ въ Малой Азіи, тогда какъ Россійская армія въ Европейской Турціи, перешедши Балканы, грозно двигалась къ Стамбулу и принудила султана подписать Адріанопольскій миръ. Какъ ни блестящи военныя дѣйствія Паскевича противу Персіянъ, Турокъ и подъ Варшавою, какъ ни славны миръ его съ первыми и покореніе мятежниковъ Польскихъ; — но сравнивать себя съ Румянцовымъ, Суворовымъ и Кутузовымъ, а тѣмъ менѣе считать подвиги ихъ, даже въ военномъ отношеніи, ниже своихъ, ему бы не слѣдовало. Этимъ онъ не возвышаетъ себя, а безпрерывными повтореніями о геніальныхъ соображеніяхъ своихъ (тогда какъ администраціей въ управляемомъ имъ краю никто кромѣ его не восхищается) ослабляетъ мнѣніе объ истинномъ достоинствѣ человѣка, достигшаго столь высокой степени.

Все наконецъ пріѣстся, прислушается, присмотрится, и люди, слыша одно и тоже, и не видя между тѣмъ ничего необыкновеннаго, перестанутъ удивляться тому, чему прежде дивились. Лавровый вѣнецъ во время жизни вождя требуетъ случаевъ къ обновленію увядающихъ листковъ его. По смерти, Исторія сбережетъ ихъ для каждаго изъ увѣнчанныхъ по стольку, по скольку судъ потомства опредѣлитъ кому изъ счастливыхъ побѣдителей. Но вѣнецъ миртовый, на главѣ законодателя или правителя, не увядаетъ и на живущемъ и на оставившемъ земное поприще. Его лелѣютъ признательные современники; а въ грядущемъ онъ сохраняется въ общемъ вѣчномъ архивѣ немногихъ дѣлъ, полезныхъ для человѣчества.

Гораздо легче быть воивомъ, нежели мудрымъ, добрымъ правителемъ.

Описавши нѣкоторыя части и случаи настоящаго управленія въ Царствѣ Польскомъ, предоставляю дѣлать выводы изъ оного тому, кто будетъ имѣть терпѣніе нѣкогда прочитать тетрадки моихъ впечатлѣній. Въ заключеніе же доселѣ написаннаго, пока не буду имѣть времени написать болѣе по этому предмету, скажу еще нѣсколько словъ о свѣтлѣйшемъ.

Человѣкъ онъ добраго сердца, смѣлаго духа, съ прекрасною памятью, съ умомъ; часто весьма проницате-

ленъ, если углубится въ предметъ. Но безпорядокъ въ образѣ жизни, въ дѣлахъ, и вѣроятно въ самыхъ мысляхъ — препятствуетъ ему быть администраторомъ. Ни въ чемъ нѣтъ постоянства, необходимой точности, методы и положительности. Всѣ поступки его зависятъ отъ впечатлѣній; досада, причиненная чѣмъ нибудь однимъ, отражается въ минуты ея на всемъ. Непривычка къ дѣламъ гражданскимъ, въ коихъ надобно искуситься терпѣніемъ и временемъ, откладываніе поэтому день за днемъ и самаго нужнаго, или рѣшеніе его съ одного поверхностнаго взгляда на предметъ,—суть причины нестроенія во всемъ. Избѣгая всемѣрно трудовъ, онъ говоритъ, а можетъ быть такъ и думаетъ, что все имъ однимъ дѣлается; отъ этого дѣловые люди при немъ теряютъ охоту къ трудамъ усерднымъ. При томъ же его неровность въ обхожденіи, заграждаемая тѣмъ откровенность къ нему мыслящихъ, покровительство безталантнымъ, слушаніе доносчиковъ и собственный свой, особый взглядъ на вещи,—ставятъ въ недоумѣніе и истинно-преданныхъ ему людей разумныхъ.

Иногда видны въ немъ проблески благородныхъ чертъ характера: восхищеніе добрымъ поступкомъ, участіе въ горѣ другаго, великодушіе (женерозность); но тутъ же слѣдуютъ эгоизмъ и готовность пожертвовать каждымъ, по своимъ видамъ, или для своего оправданія. Первыя качества, кажется, были господствующими въ немъ до его бо̀льшей извѣстности; а послѣднія пріобрѣтены имъ въ жизни Петербургской, гдѣ онъ видѣлъ необходимость искательства, лести и скрытности. Безъ этого едва ли бы онъ могъ возвыситься, при всей храбрости своей.

Суворовъ сказалъ: „тотъ не хитръ, кого называютъ хитрымъ“. Это можно примѣнить и къ Паскевичу; додавши же къ тому всемогущее счастіе, загадка возвышенія его почти разгадывается. Но что такое счастье само по себѣ, того никто не опредѣлилъ еще. Впрочемъ, въ одѣ Державина къ нему оно поэтизируется забавно, хотя стихи въ одѣ этой и крѣпко уже устарѣли.